

Цзи Чэньцы проворочался всю ночь. Тяжелое чувство вины и непрерывное давление терзали сердце, не давая сомкнуть глаз.

Цуй Жаныцзюнь уставился на отрешенное, постаревшее лицо Цзи Чэньцы и растерянно протянул:

— Ты что, тайком бегал на тренировку?..

У Цзи Чэньцы совсем не было настроения подыгрывать чужим странным шуточкам. Он достал телефон и связался с Тянь Цзюго.

Голос Тянь Цзюго звучал так же устало и надломлено, как у него самого, отчего Цзи Чэньцы почувствовал себя еще виноватее...

— Сонбэ, мне правда очень жаль за вчерашний день...

Он не успел договорить, как его прервали.

— Чэньцы... Давай вменяемое время пока не будем связываться друг с другом.

Цзи Чэньцы замер в оцепенении...

Глядя на экран сброшенного вызова, он повернулся к Цуй Жаныцзюню с лицом, выражающим всю боль без слез.

— Что делать, Жаныцзюнь? Кажется, сонбэ на меня сердится?

Цуй Жаныцзюнь напевал веселый мотивчик:

— Да может, он просто сильно занят! Не закливайся ты так на этом!

С тех пор прошло немало времени, но Тянь Цзюго так и не вышел с ним на связь...

Цзи Чэньцы и впрямь начал тревожиться, но вскоре произошло кое-что куда более страшное.

В интернете стали распространяться слухи о том, что Цзи Чэньцы якобы занимался школьным буллингом.

Появились лавины злобных комментариев, и даже многие стажеры в тренировочном зале начали избегать репетиций вместе с Цзи Чэньцы...

Когда был опубликован окончательный список дебютантов, Цзи Чэньцы уже три дня подряд не выходил из комнаты в общежитии.

Цуй Жаныцзюнь, кроме как бессильно переживать, ничего не мог поделать.

Никто не хотел идти против общественного мнения, все страшно боялись стать мишенью для травли...

И только Цзи Чэньцы хранил пугающее, леденящее душу спокойствие.

Цуй Жаныцзюнь вспоминал Цзи Чэньцы в последние дни.

Вроде бы ничего не изменилось, но в то же время казалось... что тот отдаляется от него с каждым днем все сильнее...

Беспокойство в глубине души Цуй Жаныцзюня внезапно затмило все остальные чувства...

Он толкнул дверь и со всех ног бронулся обратно в общежитие.

Всю дорогу он вспоминал, как они общались эти последние несколько месяцев.

Он думал о том мальчишке, который явно презирал чужие прикосновения, но все равно с безвыходной улыбкой принимал их.

Думал о том молчаливом ребенке, который стоял с отстраненным выражением лица и излучал какую-то холодность, но при этом почему-то дарил ему чувство покоя.

О том иностранном парнишке, чьи глаза при улыбке превращались в узкие щелочки, а на щеках проступали две ямочки.

Никто не может вечно оставаться неудачником...

Такой прекрасный человек, как Цзи Чэньцы...В комнате никого не было.

Та постель была убрана так чисто и аккуратно, словно в ней никто никогда и не жил...

Слёзы Цуй Жаныцзюня сами собой покатались по щекам — он чувствовал себя донельзя беспомощным.

Почему же столь прекрасный человек не может получить тот финал, о котором мечтал?

Восемнадцатилетний горячий юноша в конце концов так и не смог вместе с любимым младшим братом встать на сцену и искупаться в лучах славы.

И в то же время в тренды поисковиков вместе со скандалом о буллинге с участием Цзи Чэньцы вылетело обвинение: Тянь Цзюго — неблагодарный сын.

Каждый из них в своем уголке, куда не дотягивался чужой взгляд, столкнулся с несправедливостью и мог лишь спрятаться, уединившись в темноте.

Никому не суждено вечно терпеть неудачи, если только боги не обратят на тебя свой взор.

Но боги вовсе не балуют простых смертных — они любят лишь тех, кого замечают сами.

Цуй Жаныцзюнь смотрел на имя Ли Шици в списке, и ему вдруг стало от этого невыносимо дико и нелепо.

Глубокая, всепоглощающая растерянность и страх поселились в глубине души.

Он понятия не имел, как помочь Цзи Чэньцы.

Очевидно, что вся эта история была тщательно спланированным убийством.

Цуй Жаныцзюнь впервые почувствовал горькую насмешку — по отношению к самому себе, по отношению ко всему этому миру.

Мин Юнги еще никогда не был так близок к тому, чтобы лишиться дар речи...

Непонятно с чего в комнату ворвалась толпа людей, обступила его со всех сторон и потребовала устроить баттл.

Зачинщик выглядел смутно знакомым, но явно находился под воздействием какой-то дряни и соображал с трудом...

Нахмурившись, Мин Юнги повернулся и велел стоявшему за спиной человеку вызвать полицию.

Ему совсем не улыбалось связываться с этой шайкой наркоманов.

Как назло, этот тип как раз дошел до нужной кондиции — резко развернувшись, он схватил бутылку из-под вина и ткнул ею прямо в его сторону...

Мин Юнги тяжело вздохнул и протянул руку, пытаясь остановить этих явно неадекватных людей.

И тут началась совершенно нелепая потасовка.

Грязная брань резала слух, вокруг летали винные бутылки, одежда и даже музыкальные инструменты...

Менеджер, наблюдавший за происходящим издалека, чувствовал, как от головной боли раскалывается череп...

Эти избалованные сорванцы вздумали задирать AgustD — да они просто нажили себе гигантские неприятности.

А ведь ту гитару AgustD совсем недавно купил за бесценок, души в ней не чая...

Сердце менеджера бешено колотилось в груди... Неужели никто не поможет ему расхлебать эту кашу?

В одно мгновение какой-то человек поймал летевшую гитару, чья баснословная стоимость была очевидна с первого взгляда. Взгляд того ребёнка был холодным и решительным — он просто прижал к себе гитару, резко развернулся и убежал...

Менеджер прищурился, вглядываясь вдаль...

Разве это не... тот паренёк, которого Big Hit пару дней назад подкинули в счёт долга...?

Как же его звали... Цзи... Чэньцы?

Он просто спас ему жизнь.

Когда они вышли из полицейского участка, было уже около четырёх часов утра.

Мин Юнги согнулся пополам и похлопал по плечу сидевшего у входа паренька, который заснул, обхватив руками дорогую гитару, купленную им за бесценок:

— Эй! Разве можно спать на улице в такую холодину?

Подросток сонно посмотрел на него и, ещё до конца не придя в себя, протянул гитару:

— А... это ваша гитара, я пойду.

Видя, как мальчишка покачивается, сходя по лестнице, тот невольно вздохнул:

— Эй! Если ты сейчас вернёшься домой так поздно, то только потревожишь семью, верно? Идём ко мне, перекантуешься у меня до утра?

Подросток ошеломленно посмотрел на него:

— А? Хен, разве вы не знаете? Я ведь живу прямо у нас в баре.

Мин Юнги редко заводили в тупик так, что ему нечего было ответить.

Он отродясь не обращал внимания на людей вокруг, можно сказать, почти никого не замечал.

Сидевший перед ним парень, должно быть, устроился работать в бар совсем недавно.

Сначала он думал, что это просто усердно подрабатывающий студент... судя по всему, дело обстояло иначе...

Мин Юнги нахмурился, разглядывая паренька — на вид тот был совсем ещё ребенком...

— Сколько тебе лет?

Цзи Чэньцы, уже успевший привыкнуть к корейской культуре субординации между старшими и младшими, ответил предельно спокойно:

— Вы хен, вы намного старше меня.

Бизе Мин Юнги нахмурились еще сильнее:

— Я спрашиваю, сколько тебе лет? Ты ведь ещё учишься в школе?

Воздух ранним утром был по-настоящему холодным.

Парок от дыхания беседующих медленно рассеивался перед ними.

Подросток на мгновение замолчал, а затем ровно ответил:

— Больше не учусь, подрабатываю, чтобы отдать долг.

Он говорил об этом так легко, что Мин Юнги лишь холодно хмыкнул.

Наверняка очередной наивный мальчишка, которого обвели вокруг пальца капиталисты.

— Пошли, пойдёшь со мной. Бар — не место для детей твоего возраста, тебе ещё расти нужно.

Цзи Чэньцы промолчал.

Он вовсе не думал, что этот выглядящий как мафиози мужчина станет вот так просто, по доброте душевной, помогать незнакомцу.

Глядя на молчаливого подростка, Мин Юнги снова нахмурился:

— Эй! Что с тобой не так, малыш? Ты же остался без крыши над головой, разве нет?

На этот раз Цзи Чэньцы насупился сам:

— Я...

Мин Юнги скривил губы:

— Ладно, раз хочешь — иди следом.

Мужчина молча закинул гитару за спину и зашагал вперед.

Цзи Чэньцы опустил голову и молча поплёлся за ним.

Ему уже нечего было бояться.

В памяти всплыл разговор с тем директором, что состоялся несколько дней назад...

Ты ведь понимаешь, не так ли? Из-за твоих выходов компания понесла большие убытки.

Нужно ведь придумать, как вернуть эти потери компании, верно?

Компания больше не может позволить тебе оставаться трейни, но неустойку-то ты должен вернуть?

Поэтому... компания нашла тебе работу.

У него не было выбора.

Всё, что происходило с ним сейчас, было навязано этими капиталистами.

Ему придется отработать в этом баре ровно два года, прежде чем он сможет уйти.

Конечно, он прекрасно знал, что ему необязательно слепо следовать правилам.

Но, кроме этого места, идти ему было некуда.

Будь что будет. Куда приведет дорога — там и окажется.

Шаги мужчины заметно замедлились.

Цзи Чэньцы глухо произнес:

— Спасибо, хен.

Мин Юнги отделался кратким угу в ответ.

Цзи Чэньцы всё же добавил:

— Сегодня ты был просто невероятно крут, хен.

В голосе подростка прозвучало искреннее восхищение.

Только тогда Мин Юнги повернулся к нему, и в его голосе проскользнули легкие нотки:

— Правда крут?

Цзи Чэньцы настойчиво кивнул:

— Когда хен читает рэп, это еще круче!

Мин Юнги расплылся в улыбке, обнажив зубы, и рассмеялся:

— А ты умеешь делать комплименты, малыш.

На лице Цзи Чэньцы появилась едва заметная улыбка:

— Я правду говорю, хен. Научи меня читать рэп.

Цзи Чэньцы склонил голову, глядя на идущего рядом мужчину, и чувствовал, как внутри разливается тепло.

Ни у кого полоса неудач не длится вечно, верно?

А пока не забрезжил рассвет, нужно просто стать сильнее...

<http://bllate.org/book/20961/2126661>